

СТИЛЕОБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОМАНА У.
ФОЛКНЕРА "АВЕССАЛОМ, АВЕССАЛОМ!"

Роман "Авессалом, Авессалом" — еще одна страница летописи мифического округа Йокнапатофа, штат Миссисипи, еще одна страница из жизни утерянного и растоптанного войной Юга. В центре романа — семья Сатпенов, семья как основная ценность рабовладельческого Юга, семья как династия, семья как модель истинного, по представлению южан, мира. Именно семья как символ респектабельности и благополучия, та семья, которой был лишен главный герой романа Томас Сатпен, и та семья, которую он положил в основу своего "замысла", семья, ставшая для него гарантом величия.

Неслучайно название и сюжет романа перекликаются с библейской легендой об Авессаломе, сыне Давидовом. Давид, одна из наиболее монументальных фигур Библии, во многом прообраз Сатпена. Давид, как и Сатпен, зачинатель целого рода, глава многочисленной семьи с присущими ей пороками, обладатель власти, которая должна быть передана по наследству, а следовательно — отпрыски мужского пола в этой семье имеют особый статус. Библейские аналогии придают героям романа особую мифологизированность, они как бы становятся вне времени и пространства, одновременно олицетворяя исчезнувшую цивилизацию, цивилизацию, канувшей в водоворот истории.

Композиционная структура романа весьма примечательна. Автор как таковой отсутствует, он растворяется в своих персонажах, рассказывающих и воссоздающих печальную историю семейства Сатпенов. При этом роману чуждо обычное хронологическое развертывание событий, здесь все переплетено

в едином клубке — воспоминания Розы Колфильд о свадьбе Томаса Сатпена и Элен резко сменяются размышлениями Квентина о самой мисс Розе и рассказом его отца. Роман состоит из автосемантических отрезков, которые никоим образом не обособляются друг от друга, не выделяются (местами для выделения речи другого персонажа Фолкнер использует курсив, но этот прием не носит систематического характера), а плавно переходят друг в друга, предоставляя читателю самому разбираться, в каком именно временном отрезке разворачиваются события.

На первый взгляд, подобное построение канвы повествования нарушает такие основополагающие категории текста, как континуум и когезия (связи, обеспечивающие логическую последовательность, взаимосвязанность и взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий). Эти нарушения действительно существуют и выполняют у Фолкнера особую, стилеобразующую функцию. Отказываясь от общепринятых правил внутритекстовой связи, перебрасывая читателя из прошлого в настоящее, с веранды родного дома Квентина в непротопленную комнату студенческого общежития, Фолкнер создает свое, особое представление о пространстве и времени, погружая читателя в хаос событий и рассказывая о вечном — людских страстях, пороках, ценностях. Таким образом, то, что кажется на первый взгляд нарушением континуума и когезии, является ни чем иным, как наиболее трудной для декодирования их разновидностью — "разорванным" континуумом и ассоциативной когезией, основанными во многом на авторской субъективно-оценочной модальности.

В романе "Авессалом, Авессалом!" этот принцип отражен в ретроспективном раскрытии тайны, информация поступает к читателю постепенно, история складывается воедино подобно мозаике, далеко не все фрагменты которой сразу ложатся в нужную комбинацию, и смысл многих из них становится ясен

лишь позднее. Ведь именно так раскрывал для себя историю дома Сатпенов Квентин: из обрывочных фраз, услышанных в детстве, из рассказов окружающих, из собственных фантазий и домыслов, и именно так он пытается сложить воедино кусочки мозаики, решив поведать Шриву свой полумифический сказ о Сатпенах.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что особую роль в осуществлении фолкнеровского континуума играет синтаксис. Писатель пренебрегает правилами построения предложений, каждая фраза вбирает в себя столько промежуточных оборотов, придаточных предложений и парентез, что читателю с трудом удастся выявить даже содержательно-фактуальную информацию, и при подобном многословии автор всегда оставляет недосказанным самое главное, вовлекая читателя в процесс сотворчества. При этом одним из основных средств связи между сегментами текста является повтор, причем повтор как определенных слов (как прилагательные *grim*, *iron*, *mortal*, существительные *pride*, *outrage*, *fury* и т.д.), так и целых синтаксических конструкций.

Помимо обеспечения когезии и континуума, повторы у Фолкнера выступают также как дополнительное средство декодирования содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации. В частности, различного вида повторы служат и для характеристики самих персонажей, ведь Фолкнер нигде не дает их описания, предоставляя читателю самому домыслить их, и нигде не выступает в роли рассказчика. По этой причине речь каждого из говорящих персонажей, рассказчиков индивидуальна и имеет свои особенности.

При анализе речи Розы Колфилд становится очевидной аккумуляция конструкций с местоимением первого лица единственного числа *I* и отрицательными частицами и местоимениями.

Напр.: *I never saw him. I have never seen him dead. I heard a name, I saw a photograph, I helped to make a grave: and this was all. (стр.160)¹*

Или там же

I did not ask and I did not follow her, yet I knew and I knew that Clytie knew (стр.160).

Далее в тексте: *I claim no brief, no pity, who did not answer "I will" not because I was not asked, because there was no place, no niche, no interval to reply (стр.165).*

Конвергенция этого приема не может считаться случайной. Повествование Розы Колфилд как бы гипнотизирует Квентина, через этот рассказ повторяются и нарастают набатом в мозгу Квентина два лейтмотива всей жизни Розы Колфилд: "я" и "нет". "Я есмь, я существую, я чувствую, но я не нужна, передо мной всегда стоит слово "нет" — казалось, слышится в ее повествовании. Именно в ее речи раскрывается обида и ненависть нелюбимой и отвергнутой женщины, женщины, у которой ненависть к Сатпену стала смыслом всей жизни, навязчивой идеей. Оскорбленное достоинство, проступающее в рассказе Розы Колфилд, создает образ: образ женщины, черпающей силы в ненависти. Фолкнеру нет необходимости описывать свой персонаж, речь Розы Колфилд настолько экспрессивна, что ее характеристика дается косвенным образом, в том числе и при использовании повторяющихся и параллельных структур с *I* и *not*.

Повторы в повествовании от лица отца Квентина имеют совершенно другой характер. Он не был непосредственным участником событий, он пересказывает сыну то, что слышал от отца. Описание многих следующих друг за другом событий начинается наречием *then*:

¹ Здесь и ниже: Absalom, Absalom: - Moscow: Progress Publishers, 1982. — 412 p.

Then after breakfast they would retire...

Then they would get into the buggy and depart.....

Then one day they did not go (стр. 81).

Такой повтор задает ритм всему повествованию, монотонный убаюкивающий ритм, ритм неторопливого рассказа немолодого человека "о делах давно минувших дней". Здесь нет сильных эмоций, герой просто повествует о чередѣ событий, которые не имеют для него такого значения, как для Розы Колфилд или самого Квентина.

Для речи мистера Компсона характерно также то, что предложения начинаются с союза *because*:

This may have been the last time she saw him. Because they quit going out there(стр. 80).

Или: *He didn't see her; he passed on a new mare.....to support the pomposity. Because Sutpen was acting his role, too (стр.85).*

Использование этой структуры можно толковать следующим образом: отец Квентина как бы делает паузу, пытаясь вникнуть в причинно-следственную связь описываемых событий, восстановить то, что известно ему по воспоминаниям и рассказам отца. Он выполняет роль бесстрастного рассказчика, воспроизводящего свои воспоминания по просьбе сына. Очевидно, что в отличие от Квентина, история семьи Сатпенов никогда особенно его не занимала, он никогда о ней не задумывался, отсюда — необходимость припоминать события, объясняя их себе и сыну.

Повторы характерны и для речи самого Квентина, особенно в его рассказе Шриву. Здесь наблюдается частое использование предложений, начинающихся с союзов *and* и *so*:

And Grandfather brought some champagne.

And so he told Granfather something about himself (стр. 213)

Или: *"So he invited Bon into the house"* (стр 254). Подобное повторяющееся использование союзной конструкции в первую очередь наталкивает на аналогии с Библией:

And the king said unto Cush, Is the young man Absalom safe? And Cush answered, The enemies of my lord the king, and all that rise against thee to do thee hurt, be as that young man is. And the king was much moved, and went up to the chamber over the gate, and wept.... (2 Sam 18: 32-33)

Или: *So David and all the house of Israel brought up the ark of the LORD with shouting, and with the sound of the trumpet.*

Использование библейских структур в речи Квентина связано не только с сюжетной аналогией. Это явление - суть отражение мифологизации, которой подверглась семья Сатпенгов и их история в сознании Квентина. Аналогия с Библией в речи Квентина, скорее всего, подсознательна, просто важность и значение "мифа" о Сатпенах отражаются путем использования знакомых с детства библейских структур. Библия здесь служит как бы эталоном повествования: именно с Библии начиналось образование среднего американца того времени, и Библия с детства становилась настольной книгой каждого, сохраняя живость и актуальность на протяжении всей жизни человека. Язык Библии помогает Квентину выразить важность истории Сатпенгов, глубокий смысл и назидательность, заложенные в ней, и одновременно диктует ритм и связанность рассказа.

Таким образом, если в повествовании Розы Колфилд связь осуществлялась через повторы "I" и отрицательных частиц и местоимений, а отца Квентина - через использование конструкций с заглавными "then" и "because", у Квентина она выражается через "and" и "so", звучащие в унисон Библии и как бы подчеркивающие важность и значение "мифа" о Сатпенах для него лично. Роза Колфилд преломляет историю семьи Сатпенгов через призму своей обиды и ненависти, отец Квентина воспринимает ее отстраненно, считая себя лишь сторонним

наблюдателем, а для Квентина она становится откровением, переворачивающим всю его жизнь. Именно трактовка Квентина отражает истинную значимость романа, Квентин как бы проникает в истинную суть происшедшего с Сатпенами, в их истинные отношения и судьбы.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что повторы синтаксических конструкций в романе Фолкнера "Авессалом, Авессалом" имеют особое стилистическое значение как в композиционном плане, осуществляя когезию и континуум, так и при выявлении содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации, заложенной в автосемантических рассказах персонажей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). — Л.: Просвещение, Ленинградское отд., 1981. — 295 стр.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 138 стр.
3. Absalom, Absalom: - Moscow: Progress Publishers, 1982. — 412 p.